

Дело Белоостровской таможни

Событие, о котором мы вам расскажем, произошло почти сто лет назад на пограничной станции Белоостров Финляндской железной дороги. В марте 1916 года в салон-вагоне генерал-губернатора Финляндии, который не подлежал таможенному досмотру, была обнаружена искусно спрятанная крупная партия контрабандных товаров, принадлежащая разным лицам.

Белоостров

Из сообщения Белоостровской таможни (ст. Белоостров Финл. ж. д.), направленного Петроградскому таможенному инспектору от 25 марта 1916 года за № 8547:

«Белоостровская таможня имеет честь донести Вашему Превосходительству, что 25 сего марта при обходе поезда № 8 по требованию прикомандированного к таможне колл. асс. Маньковского был досмотрен пустой салон-вагон финляндского генерал-губернатора, находящийся в составе прибывшего поезда. Медлительность, с которой открывали вагон, навела на госп. Маньковского подозрение, что в таковом скрыта контрабанда, почему этот чиновник распорядился досмотреть вагон самым тщательным образом. Подозрение госп. Маньковского оправдалось».

Когда якобы пустой вагон генерал-губернатора через довольно продолжительное время все-таки открыли изнутри, там оказались три лица в железнодорожной форме: постоянный проводник этого вагона Иоганн Турин, вагонный мастер Август Серкинато и железнодорожный рабочий Фредикссон. Эти лица при опросе заявили, что в вагоне никаких предметов для оплаты пошлины нет. После тщательного досмотра были обнаружены сначала бутылки с пуншем, а затем и другие пошлинные предметы и товары, спрятанные отчасти в закрытом ящике для белья под кроватью, а отчасти (семь мест) на верхней полке служебного отопительного отделения, замаскированные одеялами и несколькими диванными подушками. Всего было обнаружено 13 мест: 3 плетеные корзины, один чемодан, один сундучок и восемь пакетов, заключавших в себе товары, подробно поименованные в приложенной к расследованию описи Белоостровской таможни (шелковые чулки, подтяжки мужские, перчатки, обувь, бритвы, пунш, вино и др.).

Было возбуждено конфискационное дело. По предварительной оценке, контрабанды везли на сумму 7996 руб. 37 коп. 26 марта 1916 года Белоостровская таможня дополнительно сообщила, что «сумма спешно подсчитанной пятикратной пени за задержанный товар достигает 30 тысяч рублей». Расследование по поводу задержания контрабандных товаров было поручено таможенным ревизорам при Департаменте таможенных сборов В. Кузьминскому и статскому советнику К. Стефанову.

28 марта вагон начальник Петроградского таможенного департамента опросил Иоганна Турина по этому делу. Только теперь Турин узнал, что упомянутые пакеты содержали перчатки, чулки, бритвы и другое. Он также заявил, что сопровождавшие вагон другие лица ничего не знали о попытке тайно вывезти вещи.

Показания Турина сводились к следующему. В качестве проводника он обслуживает данный вагон уже 6 лет (всего на службе около 13 лет), в свободное время помогает служащим багажного отделения на станции

Гельсингфорс. 24—25 марта этот вагон впервые шел без пассажиров. Тогда Турин сообщил об этом некоему Смоленскому, с которым была предварительная договоренность о перевозке неких вещей, которые и были доставлены на вокзал сыном Смоленского. «Всего этих мест было 9, а именно: 3 корзины, 1 сундучок, 4 папки и тюк, каковые он собственноручно и снес по степенно в салон-вагон генерал-губернатора». Кроме этого, Турин получил на вокзале завернутый в бумагу ящик с поручением от состоящего при генерал-губернаторе подполковника жандармерии Нуджевского сдать его на почту в Петрограде по определенному адресу или на ст. Петроград-Финляндский жандармскому вахмистру Захарову. «Сам Турин на свой страх и риск взял еще и своих собственных три места: один чемоданчик и два свертка с коньяком и пуншем для продажи этих напитков в Петрограде своим родственникам и знакомым».

Смоленский должен был ехать с этим же поездом № 8 в Петроград, где Турин обязался все 9 мест Смоленского сдать на хранение в камеру ст. Петроград Финл. жел. дороги, а квитанцию на эти вещи вручить там же на вокзале, но выполнить этого не смог, т.к. все провозимые им вещи были задержаны в Белоострове чинами таможни. Заканчивая свое показание, Турин объяснил, что он никак не предполагал, что салон-вагон генерал-губернатора будет подвергнут таможенному досмотру, что на конфискацию товара он излагает согласие, а к уплате пени примет все меры, но для кого именно Смоленский отправил вещи в Петроград, не знает и с ним больше не встречался».

Это показание Турина за небольшим исключением было признано инспекторами таможни Кузьминским и Стефановым соответствующим истине. Также было признано, что еще два сопровождавших вагон лица ничего о контрабанде не знали.

Гельсингфорс

30 марта при дальнейшем расследовании в Гельсингфорсе проживающий там подполковник Нуджевский подтвердил, что им действительно посылался через Турина один ящик (посылка) в Петроград для дальнейшей отправки его по почте в г. Баку по адресу матери подполковника Нуджевского. О Смоленском он слышал как о подозрительном в отношении контрабанды человеке, но никакого отношения к остальным местам, задержанным в Белоострове, Нуджевский не имел.

Из заявления штаб-офицера для особых поручений при финляндском генерал-губернаторе подполковника Андрея Васильевича Нуджевского, направленного в Белоостровскую таможню от 31 марта 1916 года:

«25 марта сего года мною была отправлена посылка для моей больной матери в г. Баку с пасхальными подарками и, кроме того, для нее по совету пользующих ее врачей отправлены четыре бутылки вина, не предполагая, что вино в таком количестве и такой цели подлежит оплате пошлины; ввиду того, что в настоящее время посылка задержана в Белоостровской таможне, имею честь покорнейше просить означенную таможню не отказывать выпустить вышепоименованную посылку и, что следует по закону, покорнейше прошу взыскать с меня пошлину».

Рассмотрев конфискационное дело, 4 апреля Белоостровская таможня постановила:

«...Значащийся по делу товар... конфисковать со взысканием с подполковника Нуджевского пени в размере пятикратной пошлины... Всего 291 руб. 65 коп., причем товар продать с аукциона, а карты игральные предоставить в Департамент таможенных сборов».

Также было определено выдать награды бдительным работникам таможни после продажи товара с аукциона, а часть товара («русского») возвратить подполковнику, который выполнил все предписания служителей таможни. А вот Авраама Смоленского пришлось разыскивать, чтобы ответить на вопрос, куда уходит товар.

30 марта агенты гельсингфорсской полиции произвели в присутствии инспекторов таможни Кузьминского и Стефанова осмотр помещения, занимаемого помещанином Тверской губернии Авраамом Карцевичем Смоленским, по Б. Робертской улице, д. № 3, кв. 5.

В одной из четырех комнат были обнаружены полностью упакованные 12 ящиков, готовые к отправке, с различными металлическими принадлежностями для кошельков, ридикюлей, чемоданов, предположительно германского производства. В ящиках стола и буфета в столовой были обнаружены счет фирмы «Пергамент и Рунк», фактура «Штокман» и

591

Таможенный осмотр на русско-финляндской границе.

несколько визитных карточек и адресов различных лиц, проживающих в России. Эти счета и карточки, а также фотографическая карточка Авраама Смоленского были приобщены к протоколу в качестве вещественных доказательств, необходимых для расследования деятельности последнего.

Хозяина квартиры во время обыска дома не оказалось: по заявлению присутствовавшей хозяйки, жены Смоленского Малки Шепеловой, муж ее вместе с нею приехал накануне утром из Петрограда, где оставался все время с 25 марта, а перед обыском отлучился в город. Малка Смоленская также объяснила, что 12 ящиков с металлическим товаром для кожаных изделий, которые были обнаружены в ее помещении, привез к ним из итальянского магазина в Гельсингфорсе «Кассагран» какой-то неизвестный извозчик по поручению некоего Прибылова, проживающего в Петрограде на Петроградской стороне, для того, чтобы Смоленский отправил их в Петроград. 4 ящика ее муж в Петроград уже отправил.

Относительно мест, задержанных в Белоострове, она отметила, что лично им принадлежат лишь «1 серый сундучок и 1 пак в колленкоре, и в этих местах находились перчатки, бритвы, сапоги и ножи». Остальные места ее сын Карл привез из магазина «Пастернак» «по приказанию своего отца». Карл Смоленский (15 лет) подтвердил эти слова. Он сказал, что ему эти вещи из магазина выдала сама владелица, госпожа Пастернак. На вокзале он сдал все места в камеру хранения, но никакой квитанции не получал и не знает, кто и каким образом получил эти вещи из камеры, т.к. пошел провожать отца на перрон.

Для проверки этих показаний ревизоры таможни Кузьминский и Стефанов посетили магазин готовых платьев Софии Лазаревны Пастернак на Ходосунской улице. Госпожа Пастернак объяснила, что недели две тому назад ее магазин был сделан заказ на 12 дюжин шелковых и полшелковых чулок и 75 дюжин мужских подтяжек проживающим в Гельсингфорсе Авраамом Смоленским и еще каким-то неизвестным лицом. Причем Смоленским был внесен задаток в 500 руб. Весь же товар стоил 15 000 марок. 24 марта около 5 часов вечера сам Смоленский вместе со своим сыном-гимназистом зашли за товаром, уложенным в 3 корзины и 4 картонных пака, и, забрав его, повезли куда-то на извозчике. До сего времени она Смоленского больше не видела и денег от него за товар не получала.

Несмотря на требование петроградских ревизоров и Гельсингфорсской сыскной полиции, 30 марта Авраам Смоленский в сыскную канцелярию не явился. В тот же день Кузьминский и Стефанов выехали из Гельсингфорса, чтобы по горячим следам проверить в Петрограде данные о соучастниках Смоленского, полученные в Гельсингфорсе. Тогда же (30 марта) ревизоры подали уголовному комиссару Гельсингфорсской сыскной полиции заявление с просьбой найти и допросить Смоленского по указанному вопросу и протокол доставить в Департамент таможенных сборов.

Петроград

31 марта в Петрограде прежде всего была разыскана портняжная мастерская и квартира Ицека Гириевича Ривкина как лица, близко знавшего Смоленского, с целью опросить его и, если появится необходимость, произвести у него обыск. Однако ничего подозрительного обнаружено не было.

При опросе Ривкин дал следующие показания:

«Авраама Смоленского, проживающего в г. Гельсингфорсе, он знает очень хорошо и состоит с ним в приятельских отношениях. Смоленский говорил Ривкину, что занимается портняжным ремеслом и приезжает в Петроград исключительно по делам какого-то приюта и для получения заказов на платья. Что Смоленский занимается торговлей или перепродажей товаров, свидетель не знает. Последний раз Смоленский зашел к Ривкину в воскресенье, 27 марта, совершенно осунувшийся, и стал жаловаться, что с ним случилось несчастье, а именно: в Белоострове задержали его товар... Он очень был взволнован. Для кого именно вез Смоленский товар, свидетель не знает».

После этого свидания Ривкин еще раз видел Смоленского — 28 марта у Рувины Равдина, проживающего по Среднему просп. В.О., владеющего там же магазином готового платья и мастерской под фирмой «Конфекцион». Сам он лично никаких товаров от Смоленского не имел».

От Ривкина ревизоры Кузьминский и Стефанов направились прямо в магазин Рувины Равдина «Конфекцион», где ими было решено произвести подробный осмотр помещений совместно с полицией.

При осмотре различных счетов русских фирм были найдены два счета Гельсингфорской фирмы «Ласси» на тридцать отрезков трико различной меры. Стало ясно, что товар прибыл из Финляндии, и потому хозяину «Конфекциона» было предложено объяснить, каким образом он был доставлен в Петроград. Равдин сразу же чистосердечно признался в том, что товар этот он лично купил в Гельсингфорсе у некоего Рунка и там же заплатил за него около 1700 рублей. Доставлен этот товар был при посредстве Рунка через неизвестных лиц. За доставку этого товара в Петроград он уплатил Рунку 150 рублей, которые передал через Смоленского.

Равдин дал полное согласие на конфискацию обнаруженных товаров, а также на уплату пени. Портовой таможней Равдину было начислено штрафа 4668 руб. 29 коп., а конфискованный товар оценен в 1467 руб. 66 коп.

В дополнительных показаниях Равдин объяснил, что он раньше никогда никаких товаров от Смоленского не приобретал и был уверен, что Смоленский занимается только портняжным ремеслом. **Вывод из показаний Равдина был иным:** «Представляет совершенно вероятным, что доставил 30 отрезков-купонов трико от Рунка из Гельсингфорса Равдину Смоленский или сам лично, или через каких-либо других лиц, помогающих ему в водворении в Россию контрабанды. В пользу этого соображения говорят как счета, обнаруженные в квартире Смоленского в Гельсингфорсе, из которых видно, что Смоленский сам покупал весь 1915 год трико и сатин именно у Рунка, так и то обстоятельство, что за доставку товаров от Рунка к Равдину 150 рублей были переданы именно через Смоленского».

Далее ревизоры посетили магазин кожаных изделий и квартиру Григория Константиновича Прибылова по адресу: П.С., Большой пр., д. № 31.

При опросе Прибылов дал следующие показания:

«Авраама Смоленского он знает несколько месяцев. Не так давно Смоленский в качестве комиссионера предложил свидете-

справка

О таможенной границе между Финляндией и Империей

По Фридрихсгамскому миру 1809 года от Швеции была отторгнута часть территории и присоединена к российской короне. Образовавшееся автономное владение получило название Великого княжества Финляндского и особые полномочия. В торговле с западными странами Финляндия проводила самостоятельную таможенную политику. Без пошлины в Финляндию ввозилось сырье. Сравнительно небольшой пошлиной облагались импортные товары и оборудование. Это привело к тому, что цены на многие товары в Финляндии были ниже, чем в России, поэтому для защиты интересов русских промышленников между Великим княжеством и Россией был установлен таможенный барьер, который привел к появлению контрабанды на границе с Империей.

лю купить в Гельсингфорсе нужный для мастерской Прибылова металлический товар для кошельков, ридикюлей и чемоданов. Между 22 и 26 февраля свидетель принял это предложение, поехал в Гельсингфорс и купил за 2600 руб. 16 ящиков товара. Всю стоимость он уплатил из своих средств (представил нам документальные доказательства) и затем весь этот товар отправил сам лично на извозчиках на квартиру Смоленского, где и сдал все 16 ящиков жене Смоленского под расписку, им ныне утерянную...

Раньше они уговорились со Смоленским, что если за товар пошлины причитается мало, то Смоленский должен был отправить ему товар в Петроград, а если пошлина высока, то товар следовало оставить в Гельсингфорсе.

При дальнейшем опросе Прибылов изменил свое показание и объяснил, что при последнем свидании Смоленский говорил ему об отсылке части товара из Гельсингфорса в Петроград, но не упоминал, сколько именно ящиков им выслано, а равно не передавал ни квитанции, ни дубликата на отосланный товар, и даже не указывал способа отправления этого товара, т.е. багажом, большой или малой скоростью... Через кого должен был Прибылов получить товар здесь, в Петрограде, и каким способом, он со Смоленским не уговорился.

Гельсингфорс

Несмотря на все проволочки, которые чинили ходу следствия финляндские власти (а таковых было немало, хотя финляндский генерал-губернатор Зейн поручил полицмейстеру Гельсингфорса полковнику Ванквисту «оказывать всякое содействие»), 16 апреля Смоленский был доставлен в сыскное отделение и в присутствии уголовного комиссара Эро Эмбера и констебля полиции Николая Адушевича дал следующие показания:

«Он мещанин Тверской губ., г. Вышневолочка, 54 лет от роду, еврейского вероисповедания, живет он в Финляндии 14 лет, а в Гельсингфорсе последние 9 лет, занимает квартиру... где имеет портняжную мастерскую, которая теперь работает очень мало. В последнее время занимается комиссионерством по отправке в Петроград разных товаров по поручению разных лиц, а также нередко отправляет свой собственный товар, который приобретает в Финляндии и продает в Петрограде.

Последний раз он отправил в Петроград через таможенную булавку и стальки для корсетов, которые он 18 или 19 марта оплатил пошлиной, в удостоверение чего представил счет таможенной артели. Товар этот Смоленский по оплате пошлины оставил на хранение в таможене, и только 26 марта получил его и передал некоему Ривкину... Отправляемые им прежде товары — чулки, перчатки, готовые пальто — он обыкновенно продавал по багажным квитанциям, т.е. до оплаты их пошлиной и получения из таможен, каковые обязательства ложились на покупателей разных лиц, ему неизвестных татар, с которыми знакомился и заключал сделки в гостиницах и чайных.

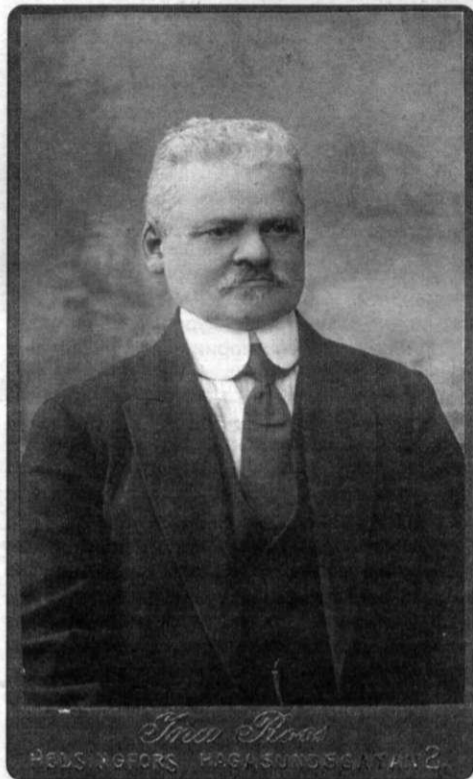
С Прибыловым он познакомился недавно и по его просьбе принял на себя поручение доставить ему в Петроград и очистить пошлиной в таможене 16 ящиков товара металл, частей для кошельков и ридикюлей, купленных Прибыловым за 2600 руб. в Гельсингфорсе в магазине Кассаграна. Эти 16 ящиков были доставлены Прибыловым на квартиру Смоленского, где и находятся поныне в числе 13 ящиков, т.к. 3 ящика 17 марта отправлены в Петроград и находятся в таможене. В удостоверение таковой отправки Смоленский предъявил багажную квитанцию за № 3807 об отправке из Гельсингфорса в Петроград 17 марта 3 ящиков весом 100 килограммов. Товар этот он считает подлежащим оплате пошлиной по 11 руб. с пуда и намеревался его получить из таможен 26 марта, когда получил принадлежащий ему товар (булавки и стальки для корсетов), но в то время багаж этот в Петрограде еще не был.

Во время допроса эти 3 ящика находились в таможене на Финляндской железной дороге под особым присмотром. Без разрешения Департамента таможенных сборов их было запрещено выдавать предъявителю багажной квитанции, «т.к. товар этот может служить обеспечением того штрафа, который причитается со Смоленского за задержанную в салон-вагоне 25 марта контрабанду». (Забегая вперед, можно сказать, что Прибылову было разрешено получить из таможен три ящика железного товара только 19 ноября 1916 года.)

Из показаний Смоленского по поводу контрабанды, задержанной 25 марта, выяснилось следующее. Смоленский случайно познакомился с господином, фамилию которого не запомнил (на букву «х») и который сказал, что «хочет приобрести в Гельсингфорсе товар, но только при условии, если кто-либо возьмет на себя доставку его в Петроград,

откуда он, «х», уже сам отправит его в Москву». Авраам Карцелевич согласился.

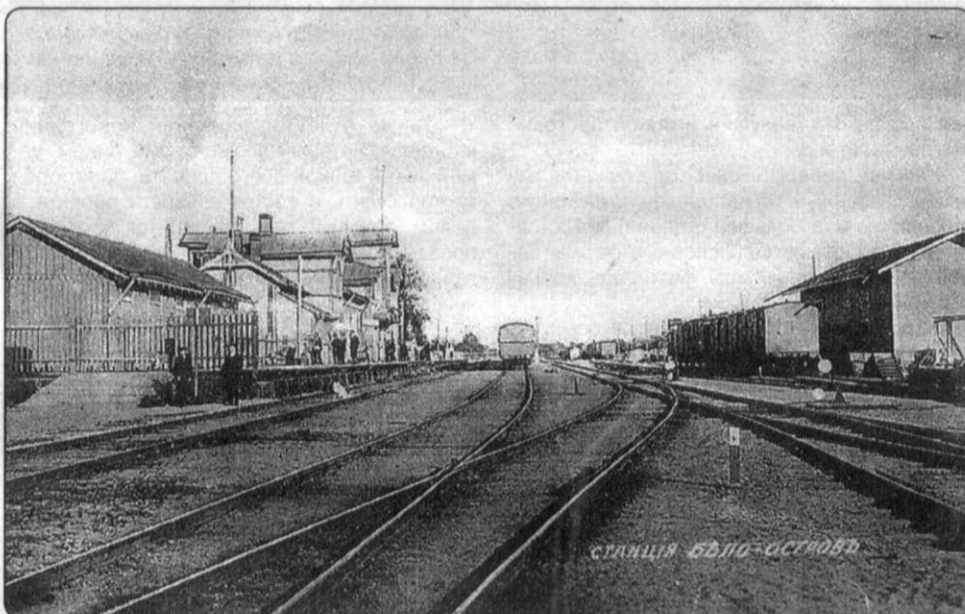
Показания по поводу покупки товаров в магазине Пастернака и доставки его на вокзал не отличались от уже полученных следствием. Зато дальше записано: «Несколько дней раньше Смоленский познакомился с багажным артельщиком на ст. Гельсингфорс Туриним, исполняющим обязанности проводника генерал-губернаторского вагона, с ко-

Авраам Карцелевич Смоленский.

торым условился, что Турин за вознаграждение в 5 марок отправит эти вещи в Петроград большой скоростью тогда, когда Смоленский ему прикажет это сделать, тем не менее Турин не дождался распоряжения Смоленского и, неизвестно откуда узнав, что на вокзал привезли вещи Смоленского, воспользовался тем обстоятельством, что вещи были сданы без квитанции, получил их из камеры хранения без ведома и разрешения Смоленского и взял их с собой в генерал-губернаторский вагон, где они и были задержаны 25 марта на ст. Белоостров чинами таможен.

Ревизор Кузьминский, сопоставив ряд фактов, пришел к выводу, что это показание было вымышлено и является оговором проводника Турина, показания которого гораздо правдоподобнее. Не поверил ревизор и словам Смоленского о том, что он, приехав в Петроград, ничего не знал о задержании контрабандного товара. Как, впрочем, и появлению заказа от неизвестного господина Х.

Станция Белоостров.

Из рапорта, направленного директору Департамента таможенных сборов от 24 апреля 1916 года за № 423:

«...Резюмируя все обстоятельства настоящего дела, мы приходим к заключению, что ответственными за провоз контрабандным путем товара, задержанного 25 марта 1916 года чинами таможен на станции Белоостров в генерал-губернаторском вагоне, являются проводник вагона, финляндский уроженец Турин и тверской мещанин Аврам Смоленский, каковые лица и подлежат солидарной уголовной ответственности по ст. 1045, 1061, 1064, 1065 Уст. там., а именно конфискации всего этого товара и уплате причитающегося с них штрафа.

Таможенные ревизоры В. Кузьминский, К. Стефанов».

14 июля 1916 года Белоостровская таможенная рассмотрела конфискационное дело за № 468 и вынесла постановление о при-

зании Турина и Смоленского виновными «в водворении из Финляндии контрабандного товара». Последним сообщалось о конфискации товара и уплате пени (штрафа) в размере пятикратной пошлины, а именно: с Турина за лично принадлежащий ему товар в размере 596 руб. 25 коп. и со Смоленского и того же Турина солидарно за товар (принадлежащий Смоленскому) в размере 33 456 руб. 15 коп.

18 июля 1916 года Белоостровская таможенная направила сообщение в Гельсингфорское городское полицейское управление об объявлении вышеприведенного постановления под расписку. Турину и Смоленскому предлагалось в трехдневный срок изъяснить согласие на конфискацию товара и в двухнедельный срок внести в таможенную означенную пеню. В этом случае дело о них будет решено таможенно административным порядком, в противном случае оно будет обращено к судебному производству.

Вместе с тем таможня просила «принять меры к обеспечению на имуществе их указанного денежного взыскания посредством принятия от них залога, заклада или надежного поручительства, а при несостоятельности учредить над ними надзор полиции».

9 августа 1916 года гельсингфорский полицмейстер сообщил, что Турин согласен уплатить взыскиваемую с него пеню в сумме 605 руб. 22 коп. за принадлежащий ему товар. Зато Авраам Смоленский «подался в бега»: из Гельсингфорса в Петроград, затем в Омск, оттуда — «неизвестно куда» (как оказалось, снова в Петроград). В столице по адресу: Кронверкский пр., д. 69, он и был найден через четыре месяца.

2 ноября 1916 года Смоленский дал подписку Управлению полиции 1-го участка в том, что постановление Белоостровской таможенки о наложении на него 33 456 руб. 15 коп. пени и 503 руб. 6 коп. прогонных ему было объявлено. При этом он заявил, что на внесение означенной суммы в таможенную согласен не изъясняет. Вследствие этого заявления над Смоленским был установлен надзор полиции, а дело передано к судебному производству для взыскания штрафа с его имущества.

19 января 1917 года гельсингфорский полицмейстер сообщил в Белоостровскую таможенку, что Иоганн Турин отказался уплатить вследствие несостоятельности солидарно с Авраамом Смоленским пени (штраф) в размере пятикратной пошлины, а именно 33 456 руб. 15 коп.

Коррупция на границе

В 1917 году судебный следователь 4-го участка Петроградского уезда закончил расследование по обвинению Турина и Смоленского и вынес постановление о прекращении этого дела в порядке уголовного судопроизводства. С таким решением не согласился инспектор Петроградского таможенного округа Оношова-Яцын, т.к. к этому времени выяснилась причастность к означенной конт-

рабанде должностных лиц бывшего жандармского надзора на границе с Финляндией.

Также Министерством финансов было получено анонимное заявление следующего содержания:

«По приказанию правительства заключен под стражу жандармский полковник Тюфяев из Белоострова. Полковник Тюфяев занимался контрабандой, он привозил из Германии для магазинов товары, конечно, пошлины не платил. Делал это сообща и с вельможей генерал-губернатора Зейна, помощника его полковника Нуджевского. Нашелся служащий в Белоостровской таможене — Маньковский, который осмелился задержать вагон Зейна. В вагоне задержано товаров по дешевой оценке на 8000 руб., исчислено штрафа казне 35 000 руб. Дело Тюфяев уладил, а Маньковского признали неблагонадежным. Второй раз задержал товары Тюфяева на станции Петроград чиновник Кирле-

вич. Дело тоже замыли. Тюфяев, пользуясь запрещением вывозить за границу золота, обирал в таможене пассажиров и ежедневно уносил домой полный портфель золота. Когда началось над ним следствие, тогда только он завел квитанции, и то выдал счетом не больше 10 шт. — тем, кого опасался. Прикажете допросить по этим делам как свидетелей: таможенного инспектора Оношова-Яцына, помощника его Степанова, чиновников Юдина, Фишера, Сенявского, Нарушевича и Маньковского.

Пока желаю остаться неизвестным.

9 марта 1917 года, Белоостров».

Из рапорта пакагузного смотрителя Гравеской таможенки В. Маньковского, полученного петроградским таможенным инспектором 19 июня 1917 года:

«...В настоящее время возбужденное против Турина и Смоленского судебное расследование... подлежит прекращению в уголовном порядке... Дело же о товарах, обнаруженных в ящике-посылке, принадлежащих подполковнику Нуджевскому... почему-то выделено Белоостровской таможенкой из общего задержания и решено 4 апреля 1916 года в административном порядке, т.е. еще до окончания результатов расследования, производившегося бывшим ревизором Кузьминским по обстоятельствам сего задержания...

Таким образом... задержание контрабанды в салон-вагоне заканчивается очень благоприятно для обнаруженных расследованием лиц, а в действительности причастные к настоящему делу должностные лица совершенно упущены из вида расследования и не понесут должного наказания за их преступную деятельность».

Далее Маньковский перечисляет тех, кто, по его мнению, также должен был ответить за контрабанду. Это некий ротмистр, сопровождавший салон-вагон, но фамилию этого ротмистра жандармы даже не выясняли. Это подполковник Нуджевский, который в силу своего высокого служебного положения был прекрасно осведомлен, что передает в Баку посылку «с вельможами иностранными товарами». Сам факт передачи этой посылки, по мнению Маньковского, говорит о том, что Нуджевский знал, что в вагоне генерал-губернатора переправляется контрабанда. Это и бывший заведующий жандармским надзором на финляндской границе полковник Тюфяев и его помощник ротмистр Алексеев: первый «во время составления протокола задержания, сильно волновался и просил не задерживать поезд», второй «куда-то скрылся и при досмотре этого вагона не присутствовал».

Упоминается в рапорте и финляндский генерал-губернатор Зейн, «который, зная, что его салон-вагон не досматривался в Белоостровской таможене только благодаря занимаемому им служебному положению, не дал указания чинам жандармского надзора строжайше наблюдать за непровозом в нем контрабанды». Через два дня, 21 июня, рапорт за подписью таможенного инспектора Н. Оношова-Яцына был направлен судебному следователю г. Петрограда.

При расследовании дела обнаружился еще один очень интересный документ, который подтвердил, что при проведении таможенного досмотра в Белоострове постоянно нарушался устав таможенки, в результате этого происходили конфликты между чинами таможенки и жандармским надзором на границе.

Этим документом стала книга для записи мест, выпущенных без досмотра по требованию жандармского надзора, которая была заведена Белоостровской таможенкой. О заведении книги было донесено петроградскому таможенному инспектору. До 7 марта 1916 года в означенной книге никаких записей не производилось. К 25 марта 1916 года в ней появилось шесть записей о провозе пассажирами 32 мест (чемоданов, картонок, узлов) без таможенного досмотра. В числе тех, кто расписывался от имени жандармов, есть и ротмистр Алексеев.

После рассмотрения дела, составленного судебным следователем, и появления дополнительных документов Оношова-Яцын 31 августа 1917 года обратился к прокурору Петроградского окружного суда о производстве по нему дополнительного расследования.

Несмотря на политические события, произошедшие в России в 1917—1918 годах, награда (в сумме 8321 руб. 50 коп. от проданного контрабандного товара на аукционе, за вычетом дохода казны) распределена и выдана по принадлежности по ассигновке от 11 марта 1918 года: контролеру Маньковскому — 3495 руб. 3 коп., досмотрщиком Иванову и Галваносу — по 873 руб. 76 коп. (каждому), стат. сов. Стефанову — 582 руб. 50 коп..

В записке, составленной помощником секретаря Белоостровской таможенки, от 18 марта 1918 года сказано, что «похищены во время беспорядков» 40 пар чулок, 60 пар подтяжек, 35 пар перчаток, одеколон, вино и пуши.

Михаил ЛОГУНЦОВ
Другие статьи автора по истории Курортного района смотрите на сайте www.beloostrov.ru